

Сентябрьский декабрист

12+

Шамилова Ксения

Ксения Шалимова

Сентябрьский декабрист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66448338

SelfPub; 2021

Аннотация

1824 год. В России еще хорошо помнят звуки французских пушек, а революционные настроения среди интеллигенции достигают своего пика. Молодой гвардеец Константин Чернов тоже бредит идеями просвещения и Конституции. Он свято верит в необходимость перемен и в гений своего кузена Кондратия Рылеева. Вот только у известного литератора свои планы насчет юного мечтательного родственника.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	51
Глава 7	63
Глава 8	70
Эпилог	82
На самом деле	84

Ксения Шалимова

Сентябрьский декабрист

«Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодые и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка»

Пушкин А.С.

Вместо предисловия

*«Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за Отчизну!»*

Я закончил царапать на оловянной тарелке свои последние строки. Перечитал. Не понравилось. Однако переписать уже не было никакой возможности. Завтра моя жизнь закончится, и больше не будет в ней места ни стихам, ни любви, ни политике. Лучи света, пробивающиеся через решетку маленького окна моей камеры, напоминают о коротком северном лете, в углу чуть слышно копошатся крысы, к чьему соседству я так привык за время моего длительного заключения. Мне не в чем упрекнуть судьбу, в моей жизни было все, и прожил я ее как хотел, а по сему конец свой принимаю со смирением. Что до покаяния, то только лишь несчастный тот мальчик, в гибели которого считаю себя виновным, не дает мне полного душевного покоя. Как странно думать в последние часы свои о мертвых, а не о живых. Но то, как осиротевшая семья моя проживет жизнь с клеймом родственников бунтовщика, меня отчего-то заботит менее горестной судьбы глупого мальчишки. Наверное, это от того, что я более уже

принадлежу миру иному, и знаю, что совсем скоро встречу того, кого убил. «За что, брат?» – спросит он меня. И что сказать? Так нужна ли была эта жертва? Сейчас я не могу ответить на эти вопросы. И рядом с ним обязательно будет тот второй... Человек, из числа тех самых, которые одним своим существованием душат любимую мою родину и на борьбу с ему подобными я положил всю жизнь свою... Мне хорошо помнятся его белокурые кудри, походившие на нимб, которые вводили людей в заблуждение об истинной природе его. Представая ангелом во плоти, этот бес всю бессмысленную жизнь свою пользовался плодами чужого временими непосильного труда, не давая ничего взамен. Но стоила ли его смерть жизни мальчика, который слепо верил мне? Он даже не разделял в полной мере убеждений наших и сложил голову по моей прихоти. В суд узурпатора я не верю, и даже лучше, что завтра предстану перед судом Божьим. Только он мне судья.

12 июля 1826 год.

Глава 1

Ночь уже окутала столицу, когда в город со стороны Царского влетела коляска лишь не надолго притормозившая для проверки документов. Осень уже подходила к завершению, и срывающийся снег и еще более его пронизывающий ветер со стороны финского залива заставляли кучера все чаще погонять лошадей.

В коляске сидел, почти было задремавший, молодой гвардейский офицер, и так как он будет важным персонажем нашего повествования, позвольте остановиться на нем подробнее. Константин Пахомович Чернов двадцати лет от роду служил поручиком в Семеновском полку, был человеком скромного достатка и строгих правил. Он всегда ложился и вставал в одно время, никогда не нарушал устава, редко пил, почти не садился за карты, не посещал девиц легкого поведения, и вследствие этого ни разу не был замешан в каких-либо «историях». Ведь как это бывает губительно, для человека в начале карьеры попасть в «историю». Ни легкой службы, ни удачной женитьбы ждать более не пришлось бы, а наш герой надеялся и на то и на другое. Но, поскольку правила, по которым существовало столичное общество того времени были нашему герою еще не ведомы, он все старался делать правильно, не понимая, что тем самым обезличивал себя для людей, в круг которых стремился войти.

А тем временем коляска пролетела мимо Обводного свернула на Фонтанку, а от туда лихо понеслась по Вознесенскому проспекту. Однотипные дома старого Петербурга проносились мимо молодого офицера, который окончательно проснулся и пребывал в глубочайшем раздумье.

Вы можете удивиться, как такой заурядный человек смог стать нашим героем. Вот только молодой поручик был образцовым офицером и дворянином во всем, кроме одного важного исключения. Не так давно его кузен, с которым он общался лишь по случаю, решил познакомить его со своим близким кругом, о деятельности которого Чернов почти ничего не знал, но по уверениям родственника люди эти сплошь достойные и деятельные.

Коляска замедлилась, повернула на пересечении с Мойкой и выехала на набережную, продолжая сбавлять ход. Константин тут же оживился, освободился от громоздкого полушубка и спрыгнул еще на ходу. Чернов постучал в знакомую ему дверь дома Российско-Американской компании и после некоторого ожидания попал внутрь.

Старый слуга поприветствовал барина, принял шинель и провел гостя в залу, где рядом с креслом у огня его ожидал хозяин.

– Костя, друг мой! – мужчина подался вперед с распростертыми объятьями. – Рад тебя видеть.

– А где все? – спросил Константин, озирая комнату.

– На сегодня все отменили. Ты что же не получал моей

записки? – хозяин радушно подвел его к огню.

–Нет, видимо, я уехал раньше. А что-то случилось? Почему перенесли?

–Да, пустяки. Трубецкой слег с простудой, Оболенский уехал в Москву, да и так...

–Что ж, жаль, – протяжно произнес Чернов.

–Да ты садись, садись. Будешь гостем, раз уж приехал.

–Папа! – донеслось вдруг из другого конца комнаты.

В дверях стояла маленькая девочка лет четырех в длинной ночной рубашке и сонно потирала глаза.

–Папа, я не могу заснуть, – пожаловалась девочка.

Мужчина тут же вскочил с кресла и нежно подхватил девочку на руки.

–Наташа! Почему Ася до сих пор не спит? Где Глаша? – крикнул он в дверной проём.

На лестнице послышались быстрые шаги и шуршание платья. В комнату вошла молодая женщина, поприветствовала гостя изящным реверансом, ловко забрала ребенка у мужа и поцеловала девочку в лоб.

– Ну, ты же, знаешь, как она боится одна. Глашу я сегодня отпустила, она очень просила. Прости, *mon ami*, она вас больше не потревожит.

Поручик едва успел поклониться в ответ, как хозяйка с девочкой быстро скрылись из виду.

– У тебя чудесная семья, – с легкой улыбкой сказал Чернов, снова садясь в кресло, – тебе можно позавидовать.

–О, мой друг, не переживай, – хозяин вернулся на свое место и принялся раскуривать сигару, – У тебя тоже все будет. Такие как ты обречены на удачный брак.

– Что ж, придется тебе поверить. Однако, раз уж, сегодня не получилось ни с кем познакомиться, может, ты сам просветишь меня.

–Я? Друг мой, я не могу сам. Это решает князь. Все что я могу рассказать, это то, что общество наше ставит целью своей улучшение жизни государства нашего, а также просвещение и распространение новых идей и мнений.

–Я все это уже слышал. Какого толка?

–Любого.

–Ах, ты невозможен. К чему вся эта бессмысленная таинственность? Неужели я не доказал свою благонадежность?

Хозяин откинулся в кресле, в задумчивости потирая рукой лоб.

–Что ж, думаю, ты прав. Да и моей протекции обычно более чем достаточно.

Он встал, подошел к столу и долго рылся в бумагах, пока в дальнем углу ящика не отыскал, наконец, зеленую невзрачную папку.

– Вот, – он протянул документы Чернову, – прочти для начала это.

–Что это? – Костя неуверенно принял бумаги.

–Что уже передумал? – с легкой усмешкой спросил хозяин.

–Нет, нет, конечно.

Чернову не понравилось, что кузен заметил его замешательство. Он открыл папку и в тусклом свете на первом листе прочитал «Проектъ Коституціи Никиты Муравьева».

Чернов быстро захлопнул папку и перевел взгляд на кузена.

– Да это же...

– Ты что же, братец, испугался? – хозяин изобразил наигранное удивление, – Может ты и прав, рано тебе еще, отдай сюда.

–Нет, нет, я прочту, – Константин прижал папку к себе.

–Что ж, – кузен снова сел в кресло и закурил, – только никому, сам понимаешь.

– Мог бы и не говорить.

– Кстати, что твои старики, здоровы ли?

–Они приезжают завтра в город. Решили, наконец, вывести Катишь в свет.

Катишь была младшей сестрой Чернова. Помимо нее у Константина были еще четверо братьев, и родители всеми способами старались сократить свои финансовые расходы на них.

–Она уже кончила Смольный? Сколько ей?

–Все семнадцать.

–Бог мой, а мне все казалось, она чуть старше Аси. Как летит время...

–Самому не веритьяся. Я снял им квартиру на Фонтанке.

Думаю, они будут довольны, – Константин откинулся в кресле и снова взглянул на огонь с мягкой улыбкой на лице. Мысли о семье, сейчас, когда он стал им так полезен, вызывали самые теплые чувства.

– Уверен, она произведет сильное впечатление в свете. Помниться, она была чудесным ребенком, – хозяин снова затянулся, перекинув ногу на ногу.

– А сейчас еще лучше. Хотя, я могу быть необъективен. Кончим об этом. Лучше почитай мне что-нибудь, ты же знаешь, как я это люблю, – попросил Константин.

– Хм... Изволь, у меня есть как раз кое-что. Уверен, ты оценишь.

Кондратий Федорович Рылеев¹, что приходился кузеном нашему герою, был довольно известным в Петербурге литератором, он даже состоял в переписке с самим Пушкиным. Рылеев преклонялся перед творчеством великого русского поэта, хотя едва не встретился с ним на дуэли, а Чернов перед Рылеевым. Константин верил на слово, всему, чтобы тот ни сказал и считал все сделанное или написанное кузеном удивительным и гениальным.

Кондратий Федорович оперся на спинку кресла, чуть приподнял голову, устремил большие, всегда как будто влажные глаза в пустоту. Он сделал вдох и начал.

– Покинь меня, мой юный друг, –

---

¹ Рылеев Кондратий Федорович – русский поэт, общественный деятель, [декабрист](#), один из руководителей [Декабристского восстания 1825 года](#).

Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...
Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?
Уж я твой узник, друг жестокий,
Твой взор меня очаровал.
Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу:
Боюсь встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

Глава 2

Российская Империя конца царствования Александра I, чрезвычайно занимательный период в жизни страны. Это время начала расцвета русской культуры, становление русского языка, период формирования общественного и национального самосознания. Большая и кровопролитная война завершившаяся удивительным триумфом, вызвала невиданную до того волну патриотизма. Сложно сказать в какой мере все эти изменения повлияли на императора Александра I, но период реформ в стране закончился, так толком и не начавшись. На смену Александру-либералу пришел Александр-победитель и отныне его слово – закон. Чтобы удержать разгоряченную после войны страну была применена тактика «закручивания гаек». К тому же война стоила не просто дорого, а непомерно дорого. Для сохранения мира, теперь не только в России, но и во всей Европе по итогам Венского конгресса², императору нужны были деньги. Тут уж не до реформ. Но все, что было сделано в первые де-

---

² Венский конгресс [1814—1815](#) гг. – общеевропейская конференция, в ходе которой была выработана система договоров, направленных на восстановление феодально-абсолютистских монархий, разрушенных [французской революцией](#) 1789 года и [наполеоновскими войнами](#), и были определены новые границы государств Европы.

сятилетия³ его царствования не прошло бесследно. В стране появились люди, сильно отличающиеся от екатерининских вельмож. Мироззрение «непоротых»⁴ было прогрессивным: нужно было вводить страну в промышленную революцию, которая уже набирала обороты в Англии. Но разве это было возможно в стране, где все зависит от взглядов только одного человека, а большая часть населения на положении рабов? Их пытливые умы не нашли другой возможности для обмена своими идеями, как организовать тайные общества. В реальности, процесс их создания много сложнее, но его описание не является целью моего развлекательного рассказа, а по сему я считаю одного абзаца, посвященного этой теме более чем достаточно.

Бальный сезон был в самом разгаре и в этом 1824 году обещал быть пышным и богатым на события. Вся столица в ту зиму – сплошной непрекращающийся праздник: балы, театры, оперы, приемы и салоны. Платья, напоминая по крою античные туники, уже канули в лето: линия талии стала ниже, юбки чуть пышнее, ткани плотнее, большее значение приобрели рукава. Мундиры Александровского времени стали удобнее, чем те, что носили подданные его бабки, но все так же сдавливали офицерам горло жестким во-

---

³ Речь прежде всего о университетской реформе 1804 года, определявшая устройство и порядки в [университетах](#) империи.

⁴ 1784 году Екатериной II была подписана «Жалованная грамота» отменившая телесные наказания для дворянского сословия. Павлом I документ был отменен, однако со времен Александра I система наказаний снова начала смягчаться.

ротником-стойкой. Городские денди утягивались для получения желанной осиной талии, не уступая в этом занятии барышням. Столичное общество готово было принести любые жертвы в угоду моде и статусу.

В один из декабрьских вечеров в дворянском собрании давали большой бал. И почти все внимание столичного высшего общества в тот вечер привлек молодой человек с императорскими вензелями на эполетах. Прекрасно сложенный, с правильными чертами лица, он привлекал дам своей внешностью, а их отцов мундиром флигель-адъютанта, и был одним из самых завидных женихов столицы.

Протанцевав мазурку с хорошенькой польской княжной, молодой флигель-адъютант отправился к лестнице, чтобы у входа, встретить своих дальних родственников. Ловко лавируя между поднимающимися гостями, он слегка коснулся платья незнакомки и тут же почувствовал, как что-то потянуло его за пуговицу на мундире.

– О, Боже, простите, так неловко, – произнесла незнакомка.

Оказалось, что бахрома бального шарфа девушки накрепко закрутилась на пуговице. Молодой человек взглянул на незнакомку, нервно пытающуюся освободить свой шарф. Ею оказалась миловидная девушка, которая, на секунду подняла свои большие черные глаза на него, залилась краской и продолжила попытки размотать бахрому.

– Позвольте мне попробовать? – ответил офицер, мягко

отстранив ее руки.

– Катрин, в чем дело? Кондратий Федорович с Костей уже заждались нас, – с лестницы спускалась, ушедшая вперед мать девушки.

В это время молодой человек ловко распутал бахрому и поправил мундир.

– Небольшой казус с шарфом, madam, – произнес он, – Позвольте представиться, Новосельцев Владимир Дмитриевич.

– Чернова Аграфена Григорьевна, – сурово произнесла дама, протянув молодому человеку руку для поцелуя, – А это моя дочь, Екатерина Пахомовна. Идем, Катрин, нас ждут.

– До свиданья, – произнесла девушка и ловко прошла мимо Новосельцева, оставив после себя легкий аромат миндаля.

– Аграфена Григорьевна, – Новосельцев в два шага догнал поднимающихся дам, – Я смею надеется на тур вальса с вашей дочерью.

– Разумеется, – сухо ответила старшая Чернова, с трудом скрывая раздражение от навязчивого юноши.

Катя, Катенька, Катюша!.. Вся жизнь молодого человека слилась в этом имени в один день. Уже меньше чем через месяц после знакомства Владимир сделался постоянным гостем в доме Черновых. И вот он уже мчится по свежему сверкающему на солнце снегу в Москву к матери, сообщить о са-

мом важном решении в его жизни.

Это случилось, когда он навещал Катю в их имении Большое Заречье, близ села Рождествено. Аграфена Григорьевна, сперва невзлюбившая Владимира, теперь полюбила его, едва не больше, чем родных сыновей. Ее муж – отставной генерал Пахом Кондратьевич, был более сдержан, но и он не мог отрицать, что Новосельцев – блестящая партия для его дочери. Младшие Черновы: Владимир и Николай, были в восторге от нового знакомого, лишь узнав, что тот вживую видел государя.

В тот день после обеда Катишь музицировала. Не отводя глаз от тонких пальчиков, бегающих по клавиатуре, Новосельцев не заметил, как тата, отослала куда-то мужа, а затем и сама ушла, якобы распорядится на кухне. Младшие братья дрались наверху, и это значило, что они остались одни. Новосельцев давно уже ждал, когда ему дадут такую возможность и прекрасно знал, что должен сделать. Он видел, не мог не видеть, что его чувства взаимны, посему отказ нечего было бояться. Однако беспокойство перед решающим броском никак не покидало его. Сделав над собой усилие, юноша почти бесшумно подошел к фортепиано, положив локоть на крышку. Катя оборвала игру, но поднять голову от клавиш не решилась.

– Catiche, – начал он было по-французски, но получилось так искусственно, и он решил продолжить на русском, – Катя, – сказал он, так нежно, как только мог.

Она подняла на него свои большие глаза, в которых читался испуг, но потом резко встала, громко закрыла клавиши и вновь посмотрела на него, но уже с мягкой игривой улыбкой на лице.

—Вы никогда не называли меня раньше. Есть особый повод?

—Да, я право не знаю, как начать.

Катя ловко вышла из-за инструмента и оказалась совсем рядом с Новосельцевым.

—У Вас такое глупое выражение лица, бут-то вы собираетесь сказать, что любите меня?

После такой дерзкой провокации с губ могло сорваться лишь одно слово.

—Люблю, — тихо произнес Новосельцев, — больше жизни, Катенька, — он поднес ее руку к щеке, — Решайте же мою судьбу.

Катя руки не отдернула, она с трудом сдерживала улыбку на своем лице и чувствовала себя в эту минуту словно генерал, выигравший сражение. Дерзость, которую подсказала на днях маменька, удалась. Иного пути растормошить этого нерешительного увальня, как называла Владимира Аграфена Григорьевна, она не видела.

—Тут и решать нечего, — девушка смущенно опустила глаза в пол.

И вот уже несколько дней, Владимир не помнил себя от счастья. Он летел в Москву, привести все дела в порядок и

известить всех родных и друзей. Свадьба назначена была на январь.

Глава 3

– Господа, стало известно, наши соратники в Малороссии с недавних пор вошли в контакт с тайным обществом в Польше. О них нам почти ничего не известно, кроме того, что настроены они чрезвычайно радикально. Все это может привести к крайне необдуманым шагам, а по сему, требует от нас, я думаю, определенных действий, – Трубецкой⁵ закончил и демонстративно сел.

Собрание руководителей Петербургского тайного общества сегодня проходило на квартире Оболенского⁶, что на Аптекарском переулке. Деятельность южных соратников все чаще становилась одной из центральных тем. Несмотря на большие разногласия, сближение обществ казалось все более реальным, тем более, после недавних слухов о том, что всемогущий Пестель⁷ со дня на день может появиться в городе.

–Сергей Петрович, ради Бога, нашего ли ума это дело. Нам своих горячих голов хватает, – заговорил Оболенский, который все собрание просидел на софе в дальнем углу.

---

⁵ Трубецкой Сергей Петрович – полковник гвардии, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса (1825), несостоявшийся «диктатор».

⁶ Оболенский Евгений Петрович – активный участник Северного общества. В декабре 1825 года будет избран начальником штаба, а после командующим восставшими войсками.

⁷ Пестель Павел Иванович – руководитель [Южного общества декабристов](#). Полковник, командир Вятского пехотного полка.

– За Якубовичем я присмотрю лично, – отозвался Рылев, – Я уже не раз говорил Вам, Евгений Петрович, Вам не о чем беспокоиться.

– Господа, – прервал их Трубецкой, – давайте все же вернемся к первоначальному вопросу.

– Сергей Иванович, – вмешался Бестужев, – По-моему, Ваши опасения абсолютно напрасны. Ни мы, ни в Тульчине не готовы ни к чему серьезному.

– Сейчас, да. Но не позднее двадцать шестого года все должно быть готово.

– Простите, князь, сомневаюсь, что это возможно, – развел руками Бестужев⁸, – наше, так сказать, предприятие пребывает ведь в самом младенчестве.

– Позвольте не согласиться, Александр Александрович, – парировал Пуцин⁹, – если верить тому, что слышно из южных губерний, там все уже довольно серьезно. А здесь, при должной подготовке, хватит и одного полка.

– Нужен всего лишь повод, – снова из дальнего конца комнаты отозвался Оболенский.

– Точнее? – Трубецкой повернулся к нему в пол оборота.

---

⁸ Бестужев Александр Александрович – штабс-капитан, [писатель-байронист](#), критик, публицист. Автор повестей «Аммалат-бек», «Фрегат Надежда» и «Страшное гадание».

⁹ Пуцин Иван Иванович – друг Пушкина по Царско-Сельскому лицей. Служил в Петербургской уголовной палате. [11 января 1825 года](#) приехал в [Михайловское](#) на встречу с Пушкиным, где, в частности, сказал Пушкину о существовании тайного общества и ознакомил его с комедией [Грибоедова](#) «[Горе от ума](#)».

–Точнее, нужно всего лишь показать массам истинное лицо власть имеющих. Громкий резонансный случай злоупотребление властью.

–Хм, найти такой не проблема, а вот придать ему нужную огласку куда труднее, – задумался Рылеев.

Споры продолжались уже далеко за полночь. Руководители столичного тайного общества никак не могли прийти к определенным консенсусам. Однако, вскоре усталость и плотный ужин, начали давать о себе знать: тон беседы становился все спокойнее, высказывания короче, и вскоре, все начали расходиться. Однако в дверях Рылеев учтиво задержал князя на пару слов.

–Вы знаете, князь, – Кондратий Федорович учтиво дотронулся до локтя Трубецкого, – я всегда крайне неохотно прошу об одолжениях, но боюсь, у меня нет выбора. Быть может, вы слышали, моя кузина Екатерина, дочь генерала Чернова, имела неосторожность принять предложение от флигель-адъютанта его величества Новосельцева.

–Это тот, что сын Орловой, как же знаю его.

–Он самый. Свадьба была назначена на январь, а сегодня уже восемнадцатое. Невеста тает день за днем. Скоро и слухи поползут... А жениха и след простыл. Уехал по делам в Москву и пропал. Вы же вертитесь в тех кругах, может что слышали.

–Вот оно что,– протянул князь, – Да, что-то до меня доходило. Но я знаю немного. Новосельцев при дворе действи-

тельно не появляется, но ходят слухи, что его видели недавно в городе. Если он и будет где, то на своей квартире, или у своего друга подпоручика, кажется Шипов – его фамилия. А если хотите знать мое мнение то, скорее всего дело в матери Новосельцева. Насколько я могу судить, такая как она не позволит войти в семью кому-то со стороны. При всем уважении к мадмуазель Черновой.

– Вот как значит, – заключил Рылеев, – Огромное спасибо, князь. Я ваш должник.

На следующий день, Кондратий Федорович сидел в коляске с Бестужевым, напросившегося помогать в поисках. Они уже около десяти минут выжидали напротив дома того самого подпоручика Шипова, на которого указал Трубецкой.

– Ну и как, Кондратий Федорович вы планируете его выманить? Дружок его не сдаст, это точно. А сам он носа не высунет.

– А вот тут ты абсолютно прав, Александр Александрович. Но, понимаешь, мало иметь хороших друзей. Важно еще, чтобы их окружение было не из болтливых. – Рылеев подышал на замершие руки.

– Думаете, может получиться? – спросил Бестужев.

– А вот мы сейчас и посмотрим.

Тем временем из дверей показался человек, по видимости денщик, и Рылеев выскочил из коляски наперерез ему. Слугу явно удалось застать врасплох. Бестужев видел, как он

отрицательно махал головой и вообще пытался как можно быстрее избавиться от приставучего господина. Тогда Рылеев вложил ему в руку деньги, денщик все так же продолжал махать головой, но перестал так спешить. Новая монета сделала его еще более сговорчивым: отрицание в жестах денщика сменилось на сомнение. Третья монета, помогла преодолеть и его. Рылеев, довольный похлопал паренька по плечу и направился обратно к коляске.

–Есть результат? – спросил Бестужев.

–Завтра в девять на круглом рынке, – коротко ответил Рылеев, касаясь тростью спины извозчика.

На следующий день с утра на круглом рынке было не протолкнуться. Люди всех мастей, семенили по галерее мимо лавок, пытаясь ухватить что-нибудь стоящее. «Куда прешь!? Едрена вошь!» и другие обыденные рыночные выражения периодически врывались в общий гул этого колоритного места. Всюду пахло рыбой и навозом. Рылеев с Бестужевым переминались с ноги на ногу, всматриваясь в прохожих.

–Вот, смотри, вроде похож, – Бестужев указал на человека в черном пальто.

Впереди шел Новосельцев в огромной меховой нелепой шапке, с трехдневной щетиной, часто оборачиваясь, и пытался спрятать лицо за воротником. Он ненадолго заглянул в лавку с рыбой, даже спросил о цене для приличия, потом долго читал объявления, расклеенные по галерее, не переставая при этом озираться по сторонам.

–Кого-то ищете? – услышал он голос позади себя.

–Я? – растерянно произнес Новосельцев оборачиваясь.

–Вы же управляющий господина Новосельцева, не так ли? – более утверждал, чем спрашивал Рылеев.

– Я? А, да, – Новосельцев поглубже натянул шапку и закрылся воротником.

–Сам же хозяин сейчас в Москве. Это я попросил вас прийти.

–И чего же господину угодно? – спросил Новосельцев.

–Я думаю, что вы должны написать вашему хозяину, что к нему собирается один его давний знакомый, господин Чернов. Он уже совсем скоро будет в пути, дело у него чрезвычайно важное, и будет очень нехорошо, если они вдруг разминутся. Надеюсь, вы меня понимаете?

–Да, кажется, понимаю.

–Не расстраивайтесь, мой друг, – ласково сказал Рылеев, – Уверен, все образуется. Но, господину Новосельцеву, лучше быть в Москве.

– Да, да, я все сделаю, – глаза Владимира судорожно бегали из стороны в сторону, – Я все понял.

Юноша скорыми шагами направился к выходу.

–Быстро вы. Как прошло? Он все-таки жениться? – спросил Бестужев, подойдя к Рылееву, растирая замершие руки.

–Нет. Он едет в Москву.

–Но разве, не туда едет ваш кузен, что бы отстоять честь сестры?

–Именно.

–Стойте, я решительно ничего не понимаю, Кондратий Федорович, – развел руками Бестужев.

Рылеев многозначительно закатил глаза.

–Помнишь, Оболенский говорил, что нам нужен повод?

Бестужев положительно кивнул.

–Так вот он. Богатый аристократ влюбил в себя бедную девушку, и отказывается жениться. Чем не скандал?

–Кажется, что-то начинает проясняться. Но зачем же вы отправили Новосельцева в Москву? Не проще сдать его Чернову здесь?

–Нам нужен подлец, Александр Александрович, а не трус, – твердо произнес Рылеев.

–Хм, а не дурно, – Бестужев задумчиво потер подбородок, – С Вами, оказывается, опасно ссориться, Кондратий Федорович.

–Не обольщайся, друг мой, дружить со мной в сто крат опасней.

Новосельцев тем временем сел в ожидавший его экипаж и поехал напрямик на свою квартиру. Он судорожно перебирал в голове варианты развития событий. Владимир понимал, что Чернов едет за разъяснениями, и если они не смогут его удовлетворить, он будет вправе вызвать его. Точнее, он его вызовет. Приехав на квартиру, Новосельцев отдал распоряжение немедленно собирать вещи, а сам скинул пальто и ослабил душивший его галстук. Он метался по комнате с от-

крытой бутылкой в руке, потом плюхнулся на диван, отпил и взъерошил волосы. Боже. Что же теперь будет? Как такое могло случиться? С ним, кого так любит весь свет, кого все всегда хвалят и ставят в пример. Он же все еще любит Катю... Или нет. В голове больше не звучал ее дивный высокий голос. Сейчас словно колокол, дребезжали только слова матери: «чтобы мой сын женился на какой-нибудь Черновой, да к тому же Пахомовне: никогда этому не бывать. Не хочу иметь невесткой Чернову Пахомовну – экой срам!» И правда, как не красиво сейчас для Владимира звучало ее отчество. В одно мгновение милая «Катенька» превратилась в безобразную «Пахомовну». Увы, часто близкие нам люди помогают рассмотреть в других недостатки, которых у них и нет. Мать применяла и другие известные ей способы манипуляции. В ход шли напоминания о потраченных годах, бессонных ночах и ее слабом здоровье. Муки совести уже несколько месяцев не оставляли юношу. Он похудел, стал редко бриться и много пить, с лица сошел привычные румянец. Шипов, советовал объясниться с Черновыми. Владимир ведь и прибыл в столицу именно за этим, и даже пару раз был полон решимости ехать к ним, потом хотел послать письмо старшему Чернову, думал написать Кате, но... Ни на один из этих вариантов в итоге не решился. Он впервые в жизни столкнулся с ситуацией, которая никак не разрешалась, как все предыдущие – по одному щелчку. Он искренне не понимал, что требуется от него, чтобы разорвать

этот «гордиев узел». А требовалось совсем немного. Всего лишь решения, четкого действия, на который этот материнский выкормыш оказался неспособен. И теперь, когда доброжелатель сообщил о намерении Константина ехать за ним, Владимир понял, что оттягивать более нет никакой возможности. В Москву он ехал уже на следующий день совершенно пьяный.

Глава 4

Константин по приезду в Москву остановился в квартире у своего старинного товарища на Малой Молчановке. Важно отметить, великий князь дал свое разрешение на эту поездку с позволения самого государя. Это значило, во-первых Новосельцева при дворе, наконец, спохватились, а во-вторых о готовящийся дуэли знал сам государь. Дело обретало все больший резонанс.

Николай Леман, тот самый, кто приютил Чернова, повесил на спинку стула доломан¹⁰ и кинул на стол перед ним письмо.

—От Сергея, — сказал он и плюхнулся на стул.

Сережа — еще один брат Константина второй по старшинству в семье после него. В письме он писал, что дома все хорошо, но в городе все отчетливее слышны слухи по поводу неудавшейся свадьбы. Катя почти не выходит из своей комнаты, мало есть и сильно похудела. Мать оплакивает ее как покойницу, а младшие предоставлены сами себе. Только отец полон гордости за старшего сына и проливает «слезы восхищения», как писал Сергей. Закончил он свое послание словами: «Желательно, чтобы Новосильцев был наш зять — но ежели сего нельзя, то надо делать, чтоб он умер холо-

---

¹⁰ Доломан — короткая однобортная куртка со стоячим воротником и шнурами.

стым». Константин и так хорошо понимал это, однако слова брата вселили в него еще большую уверенность в своей правоте.

– Знаешь, – сказал Леман, протягивая Черному бокал жженки¹¹, – мне, действительно жаль Катишь. Ты знаешь, я бы и сам женился на ней, если бы не отец. Он вбил в себе в голову, что дочь Кубинских для меня отличная партия.

– Да, да, я знаю, – ответил Константин, складывая письмо, – Я не плакаться сюда приехал. Правда на моей стороне. Мне от тебя другого надо. Ты ведь согласишься быть секундантом?

– Конечно, Костя, разве я могу... – Николай ненадолго замолчал и задумчиво уставился в пол, – Даже не знаю, правильно решать это дело здесь. В Москве у Новосельцевой большие связи.

– Мне все равно, – отрезал Чернов.

– Хорошо, тогда лучше расскажи о своих новых друзьях. В письмах ты не многословен, оно и понятно.

– Ты о Рылееве? Я не хочу бросаться словами, но это люди будущего. Я верю, что это великие люди, особенно кузен. Слышал бы ты хоть раз, как он говорит, ты бы понял. Широта его мыслей достойна Наполеона. Хотя он больше восхищается Вашингтоном. По правде говоря, я несколько сомне-

---

¹¹ Жженка – одна из разновидностей горячего пунша, в состав которой входят алкоголь, фрукты и жженный сахар. Как правило, напиток готовили на основе рома, однако допустимы и вариации с коньяком. Основное распространение напиток получил в гусарской среде.

ваюсь смогу ли я понять его до конца.

–Возможно, тогда тебе не стоит лезть в политику? – аккуратно спросил Леман.

–Ты думаешь, я это выгоды рады? Я ведь понять хочу, Николая, понять. Как мы живем? – Чернов со звуком поставил бокал, расплескав жженку, – Вот возьми хоть меня. Разве если бы не разогнали Семеновцев¹² в двадцатом, я смог бы попасть в гвардию? Нет. И не важно, насколько я умен, исполнительен и талантлив. Или тот же Новосельцев. За какие такие заслуги он в свите? Разве так можно построить сильное государство? – Чернов взглянул в глаза друга, будто рассчитывал найти там ответы на свои вопросы.

–А твой Рылеев все переиначит?

В комнате стало тихо, только январский ветер как шальной долбился в окна. Зима в этом году была правильная, лютая, но в комнате было тепло натоплено. Николай встал, поворошил угли в печке и подбросил дров.

–Ты его не знаешь. Он человек слова, да и не он один, – негромко произнес Константин, как будто сам уже не был уверен в своих словах.

–Ты прав, я их не знаю и могу ошибаться, – Леман подошел к окну и запихнул щепку между стеклом и рамой, кото-

---

¹² Семеновская история – Солдаты [Семёновского лейб-гвардии полка Его Величества](#), недовольные отставкой своего прежнего командира Якова Алексеевича Потемкина, собрались вечером [16 октября](#) 1820, самовольно «вышли на перекличку», отказались идти в караул. Полк был усмирен, «государева рота» загнана в Петропавловку, после чего распущен по приказу Императора.

рые бились друг о друга при ветре, – Ты знаешь, один мой лондонский знакомый учувствовал в Ост –Индской компании. Он много бывал в Азии, и однажды рассказал мне очень занимательную легенду.

–Ты серьезно, хочешь поговорить об индийском фольклоре? – усмехнулся Константин.

–Думаю, ты должен ее услышать, прежде чем принять окончательное решение по поводу твоих новых друзей. Так вот, однажды, на горе рядом с большой торговой деревней поселился дракон. Он, конечно же, начал грабить жителей и похищать женщин. Многие ходили на гору, убить его, но ни один не вернулся. Пока на бой не отправился очередной смельчак. Он долго выслеживал зверя, а когда, наконец, нашел, вступил с ним в бой. После нескольких часов поединка у него получилось смертельно ранить дракона. Но вместо мольбы о пощаде последними словами чудища были: «теперь ты – дракон». Юноша не предал им значения, отыскал тайник дракона и долго купался в его золоте. А когда пришло время вернуться в деревню, он решил утолить жажду в роднике. Из воды на него смотрел недавно убитый им дракон...

–Какая прекрасная сказка, – устало улыбнулся Константин, – Обязательно расскажи ее своим детям, когда они у тебя появятся.

–Ты можешь смеяться, сколько хочешь, но все же учти, если решишь вступить на этот путь, возможно, станется так, что никто тебе не поможет и я в том числе.

Рылеев отложил письмо, сделал глубокий вздох с видом человека, тщательно обдумывающего прочитанное.

–И о чем же пишет наш борец за справедливость? – спросил Бестужев и широко зевнул.

–О приеме у генерал-губернатора.

Бестужев тут же прервал затянувшийся зевок и удивленно взглянул на Рылеева.

–Да, да, ты не ослышался, – Кондратий Федорович даже не взглянул на друга.

–И как же он там оказался?

–По его сиятельства личному приглашению. Я, пожалуй, зачитаю, личного там все равно ничего.

Рылеев взял со столика рядом отложенное письмо и нашел глазами нужное место.

–Вот слушай: «... После я получил пакет от его сиятельства господина Горчакова московского градоправителя. Он приглашал меня для аудиенции. Со мной поехал Николая, так как господин губернатор просил прибыть со свидетелями. По приезду нас почти сразу отвели в его кабинет. Должно сказать, его сиятельство произвел на меня благоприятное впечатление. Это высокий, хорошо сложенный мужчина в былые годы, вероятно, разбивший немало женских сердец. Он поприветствовал нас крепким рукопожатием, и самой радушной из всех своих заготовленных салонных улыбок. В кабинете уже были Новосельцевы (мать и сын) и еще

некоторые персоны, приглашенные для роли свидетелей. После того, как нам всех представили губернатор начал, уверенно убеждать меня в том, что произошло чудовищное недопонимание. И чем более убежденным я выглядел, тем более в разговор вступал сам Новосельцев. Не ошибусь, если скажу, что он смотрелся крайне искренне, и если губернатору я абсолютно не верил, отдавая дань его дипломатическим способностям, то Новосельцев казался мне более убедительным. Его сиятельство убеждали меня в том, что честный дворянин не мог отказаться от своих слов, на что я ответил полным согласием. Новосельцев подтвердил, что готов под венец хоть завтра. Правда, объяснение его долгого отсутствия тяжелой болезнью отца, мне показалось натянутым. Все сомнения, как ни странно, удалось развеять старшей Новосельцевой. Она, до того сидевшая у окна, облаченная в черное с платком в руке, которым отирала вечно слезящиеся глаза, вступила именно тогда, когда я спросил о согласии на брак родителей. При мне Новосельцева подписала письменное согласие на брак с Катериной, что абсолютно успокоило мою душу. Так что все твои опасения по ее поводу были беспочвенными. Теперь я уже как вторую неделю гостем у Новосельцевых. Мы с Владимиром совсем уже добрые друзья. Часто по вечерам гоняем на санях по Москве, за что едва не были схвачены за это городовыми. По осени он мне обещал отменную охоту. Его отец держит большую псарню в загородном имении. Матушка, Екатерина Влади-

мировна, тоже приняла меня как родного сына...»

Рылеев отложил письмо и взглянул на друга.

–Кондратий Фёдорович вот даже не знаю старая ли Новосельцева, Вас так лихо переиграла, или Вы сами себя переиграли, но, в любом случае, я рад, что весь этот роман закончился благополучно, – сказал Бестужев, который доедал предложенные хозяевами пирожные.

–Я, в отличие от тебя Александр Александрович, романов не пишу, я их делаю.

–Что Вы этим ходите сказать, Кондратий Федорович?

–То, что это еще не конец. И, друг мой, нет ничего проще, рассорить двух людей, особенно, если они считают себя друзьями.

–Что ж, – Бестужев чуть нервно сглотнул, – Уверен, Вы знаете, что делаете.

Глава 5

Дома Константина встретили как героя. Отец был непомерно горд первенцем, мать и младшие дети относились теперь к нему как к главе семейства, а Катерина даже не знала, как выразить всю свою благодарность. Уже через пару дней, Чернов делился подробностями своего путешествия с Рылеевым. Кузен внимательно его выслушал, и после, медленно крутя в руках сигару, спросил:

– И как ты нашел старшую Новосельцеву? В письме ты писал, что она совсем не против свадьбы.

– О, это почти святая женщина, – уверял с восторгом Константин, – И мне кажется, что слезы, что вечно текут из ее глаз, как у многих стариков, на самом деле не слезы, а миро. Она была до крайности любезна и гостеприимна, и так любит Владимира, что не смогла бы встать на пути его счастья.

– Я очень рад это слышать. И еще я очень рад, что у твоего возбужденного состояния есть еще одна причина. Признавайся, что там у тебя за роман вышел. В письмах ты так и не написал ничего конкретного.

Рылеев, наконец, стал раскуривать сигару.

– Потому ничего конкретного и нет. Я просто встретил известную тебе особу на набережной и уже на следующий день получил записку.

Рылеев слегка приподнял бровь.

– Смело. И что же она тебе пишет?

– То, что пишут в таких письмах все женщины. Что любит и всегда любила. Но Николая узнал, ее собираются выдать замуж за какого-то старого полковника. Я же ей нужен, вероятно, лишь для того, чтобы эту свадьбу сорвать.

– Видно полковник уж очень гадок, раз она решилась на столь отчаянный шаг. И ты не думаешь, что ее чувства могут быть правдивы?

– Знал бы ты, как бы я этого хотел.

– Почему же не знаю. Я не настолько стар, чтобы не помнить, как может взволновать кровь один надушенный листок бумаги.

Константин вяло улыбнулся.

– Давай лучше поговорим о деле, – бодрее произнес Костя, – Если ли новости?

– И какие. Пестель приезжал в город, – Рылеев длительно затынулся, – Мне даже удалось с ним встретиться.

– Да ну! С тем самым? – Костя слегка подпрыгнул в кресле, – И что же? Каков он?

– Epater¹³, и думает про себя, что очень хитер.

– А это не так? Я слышан о нем, и слухи самые противоречивые.

– Он довольно неуклюже пытался выяснить мои политические взгляды. Сначала очень притворно восхищался На-

---

¹³ Epater (фр.) – поражать, поразить. В русский язык чуть позже это слово войдет как «эпатировать».

полеоном, потом пел оды Английскому парламенту, – Рылеев расплылся в широкой улыбке, – Сошлись мы, конечно, на гении Вашингтона.

Кондратий Федорович сделал очередную затяжку и медленно откинулся в кресле.

– Тем не менее, своего он все-таки добился. Ведь ты, дорогой кузен ведь его больше государя Императора боготворишь.

Рылеев слегка поморщился при упоминании его Величества и отложил сигару. Константин, правда, его недовольства не заметил и продолжал.

– Уверен, что в следующей жизни ты родишься Американцем.

– Довольно, – Кондратий Федорович резко поднялся с кресла, – тебе уж и возвращаться пора.

Константин со снисходительной улыбкой взглянул на брата.

– Неужели обиделся. Ты ведь даже не рассказал, чем вы кончили. Какие планы у Пестеля?

– Планы? – язвительно переспросил Рылеев, – Что ж, изволь. Сергей Иванович, куда больше разделяет мои убеждения и не прочь, для России позаимствовать американскую систему управления, – грубо, чеканя каждое слово, произнес Рылеев.

– То есть, как позаимствовать? – Чернов по инерции еще продолжал улыбаться, – Там же Республика.

– Вот именно, – и после некоторого молчания Рылеев четко прибавил, – Республика.

Улыбка уже полностью сошла с лица Константина, лицо его слегка побледнело, а губы задрожали.

– А что же с царем? – осторожно спросил Чернов.

– А что с царем? Его не будет, – ответил Рылеев.

– Но, – Константин поднялся вслед за кузеном, – Это получается...

Чернов некоторое время пристально смотрел на друга. Новая реальность, так внезапно открывшаяся ему, пугала. Он начал медленно пятиться назад, неуклюже обступая кресло.

– Получается, – Константин перешел на шепот, – Вы хотите убить императора?

– Это пусть и крайняя, но возможная мера. Ты сам понимаешь, почему я не мог рассказать тебе все сразу.

Константин не сводил испуганного взгляда с больших влажных глаз Рылеева.

– Кондратий, это безумие, – продолжал шипеть Константин, – Конституция – это одно, но это... это – минимум виселица.

– А ты думал у нас здесь английский клуб? – выпалил Рылеев.

Он в один шаг приблизился к Константину и схватил его за плечи. Тот попытался освободиться и отвел глаза.

– Посмотри на меня! – закричал он, встряхивая кузена, –

Значительных перемен не добиться полумерами.

Константин медленно поднял голову и внимательно взглянул на кузена. Рылеев отпустил руки и медленно начал прохаживаться по комнате в такт комнатных часов.

– Кондратий, ты себя слышишь? – Константин, наконец, прервал затянувшееся молчание, – Каких перемен? Вы ведь даже не знаете, что менять собираетесь. Знаешь на что это похоже? Да вы ведь просто хотите поставить Трубецкого диктатором и поделить прежние должности между собой? Ты себе тоже место присмотрел, а братец?

Рылеев остановился и метнул резкий взгляд на собеседника.

– Да повзрослей ты уже! – Рылеев сделал резкий шаг к Константину, – Да, новой стране нужны новые люди. С Новосельцевыми ничего путного не построить. И ради этой великой цели кого-то придётся принести в жертву. Или ты думаешь, я не любил Его? Я Его боготворил! Каждая моя молитва, каждый мой день начинался и заканчивался с его именем на устах. Я верил ему! – Рылеев с глухим звуком сильно ударил себя в грудь, – Верил, что он поведет нас по пути свободы и просвещения, – и после недолгой паузы тихо спросил, – И что мы получили?

Мужчины стояли друг напротив друга не в силах отвести глаз или вымолвить слово пока, наконец, Рылеев не произнес:

– Ты мне веришь?

Константин чем дальше, чем сложнее сдерживать надвигающееся на него замешательство. Он слишком долго идеализировал Рылеева, и сейчас, смотря прямо в эти удивительные гипнотические глаза, с трудом понимал кто перед ним: новый Наполеон или обыкновенный авантюрист.

–Ты мне веришь? – увереннее и громче повторил кузен.

–Я не знаю... – тяжело проговорил Чернов, – Я уже ничего не знаю. Ты абсолютно прав, мне пора.

После он быстро впрыгнул в плащ, набекрень надел треуголку и уже сев в коляску, натягивал перчатки. На холоде одними губами он повторял только одну фразу, вспомнившуюся ему сегодня: "Теперь ты дракон".

С того самого дня общество стало для Чернова чем-то вроде горькой пилюли. Той самой прием, которой откладываешь на потом, и после которой наступает медленное мучительное выздоровление. Он никогда раньше, размышляя о французской революции как о чем-то ужасном, не думал о людях свершивших ее, как о преступниках. И теперь, после разговора с Рылеевым ему пришлось принять тот факт, что далеко не для всех они были неисправимыми романтиками и героями. Константин все же продолжал верить в необходимость реформ, его так же пьянили мысли о конституции и свободах, но только теперь эти слова начали обретать для него форму, а их значение в корне изменилось. Свободы становились невозможны без ответственности, а конституция – результатом огромного душевного и умственного труда все-

го народа, которую мало было просто принять, до нее необходимо было дорасти. Это горькое открытие заставило его помириться с Рылевым. Он продолжил посещать собрания с еще большим усердием, однако стал меньше говорить и более слушать. Костя стал замечать среди своих товарищей не только убежденных реформаторов, но и корыстных властолюбцев или обиженных на власть прохиндеев. Метаморфозы эти не остались незамеченными и Рылевым. Он даже обмолвился как-то Бестужеву, что будь у него более времени, сделал бы из кузена недурного государственного деятеля, но за неимением оного, Константину придется послужить общему делу иным образом.

Владимир трясся в коляске по серому февральскому Петербургу. По возвращении в столицу необходимо было вернуться к светской жизни, и ничто не могло познакомить Владимира со свежими новостями, как посещение салона графини М. Графиня была своего рода Анной Павловной Шерер своего времени. У нее собиралось лучшее общество. На подобных вечерах рождались сплетни, плелись интриги, распределялись должности. Володя знал этот мир как облупленный и чувствовал себя в подобных местах как рыба в воде, тем более, что общество ему всегда благоволило. Он ехал с легким сердцем в самом прекрасном расположении духа. Сам того не замечая, юноша подсознательно готовился к салону. Он уже знал к кому и в какой последовательности по-

дойдет, о чем будет говорить, с каким выражением лица будет принимать поздравления со свадьбой и соболезнования о болезни отца.

По приезду он ловко взобрался на ступеньки перед входом и быстро прошел внутрь. В вестибюле лакей тонкий и безэмоциональный, такой же какой был в любом другом подобном доме, принял у Владимира плащ, он еще не успел снять перчатки, как на лестнице раздались усиливаемые эхом шаги.

– Володя! – к нему подлетел, едва не поскользнувшись на мраморном полу, Шипов.

– Дружище! – образовался Владимир, – Ты уже здесь.

– Не нужно тебе туда.

– Это еще почему? – весело спросил Новосельцев, хлопая себя по карманам в поисках монеты для лакея.

– Володя, Богом прошу, поезжай домой. Я клянусь тебе, буду у тебя через час и все объясню, но не поднимайся туда, прошу, – Шипов схватил друга за руки с твердым намерением не пускать его в зал.

– Это какая-то новая игра? Должен сказать, ты очень правдоподобен, – сказал Владимир все стой же широкой улыбкой.

– К сожалению нет. Прошу тебя уезжай.

Шипов пытался вручить вещи из рук лакея обратно Новосельцеву. Одна перчатка упала на пол, оба молодых человека вцепились в треуголку.

–Ладно, пошутили и хватит. Дай пройти, – Владимир одним движением снова отдал все лакею.

–Чернов всем сказал, что принудил тебя жениться, – быстро выпалил Шипов, – Под дулом пистолета.

Володя, наконец, отвлекся от вещей и взглянул на друга, улыбка медленно сходила с его лица.

–Что? – тихо произнес он.

–Если ты приехал сюда за столичными новостями, то сейчас главная новость – ты.

–Этого не может быть, – Владимир отрицательно замотал головой.

–Все уже об этом только и говорят.

–Этого не может быть, – уверенно повторил Владимир.

Он плохо помнил, как выхватил вещи у лакея и, не одеваясь, выскочил на улицу. По дороге домой едва удерживал себя на месте, чтобы не выскочить из дрожек на ходу. «Не может быть, не может быть» повторял он словно в бреду и чем ближе подъезжал к дому, тем отчетливее его отрицание перерождалось в чувство той бешеной злости, когда осознаешь свою беспомощность и ничтожность. После он долго метался по комнате с безумным взглядом и взъерошенными волосами, слуги ждали, что барин вот-вот тронется рассудком, и тихонько подглядывали в замочную скважину. Как и обещал через час приехал Шипов. Он застал друга уже сидящим за письменным столом. Новосельцев резкими движениями выводил что-то на бумаге и не сразу заметил его.

–Что пишешь? – осторожно спросил Шипов.

–А что я могу сейчас писать? – огрызнулся Новосельцев, не поднимая голову на друга.

–Володя, может стоит...

–Что? – Новосельцев рывком повернулся к нему, – Что стоит? Подумать? Подождать? Чего? Пока этот человек полностью разрушит меня? Еще прикидывался другом.

Шипов почти сразу понял, что за время пока они не виделись, в друге что-то изменилось. Владимир больше не был образцовым светским юношей. Он почувствовал, что, наконец, перестал быть идеалом и оказался ни больше ни меньше простым смертным со своими недостатками, страхами и предубеждениями. И ему было страшно, страшно от того, что он чувствовал, как события развиваются независимо от него, что он уже давно не контролирует свою жизнь, да собственно никогда ее и не контролировал. И этот первобытный, животный страх заставлял действовать, правильно или нет, но действовать.

Владимир снова повернулся к бумаге и резко отрывисто написал на чистом листке: «Требую сатисфакции. Жду секунданта. Новосельцев».

Примерно в то же время слухи достигли и Константина. Это здорово выбило его из колеи, но проанализировав ситуацию, Чернов понял, что в данных обстоятельствах может лишь терпеливо ждать вызова. Однако прошел день, за ним другой и третий – Новосельцев молчал. И только через неде-

лю Оболенскому, по просьбе Рылеева удалось прояснить положение дел. Выяснилось, что Шипов все же не дал отправить Владимиру вызов. Он убедил его, что все можно решить иначе. И Владимир решил. Он слишком хорошо знал светское общество, и вместо того, чтобы схватиться за голову и скрыться до поры, наоборот активно начал появляться на приемах и при любом удобном случае декларировал о настигшей его ужасной клевете. Он просто продолжал играть роль, которая ему всегда удавалось лучше всего – мистера безупречность, часто клялся в своем глубоком и чистом чувстве к Катерине, говорил, что Константин, наверняка, оговорил его лишь для того чтобы снискать дешевой славы в офицерских кругах. И чаша весов уже очень скоро склонилась в его сторону.

– Немыслимо! – Чернов развел руками, – Этот аристокрышенишь, значит, выставляет себя чуть ли не святым, более того болтает о таком личном деле по всем салонам, собирая жалостливые вздохи и соболезнования.

Рылеев удобно расположился на диване и даже не собирався прерывать кузена. Он и Бестужев только что привезли Константину последние новости. В этой ситуации его более всего забавляло то, что никто даже и не думал задаться вопросом, что же истинный распространитель тех гнусных слухов.

– Я полностью разделяю ваше негодование, – сказал Александр Александрович, отходя от печки, где грел руки, – Но

Константин, послушайте, нельзя принимать решения на горячую голову. Думаю, нужно выждать.

–Ах, выждать? Дождался уже. Я опозорен, моя сестра опозорена, вся моя семья... Ведь это же все он сам и придумал! Он и его благочестивая матушка. Чтобы не держать данного слова.

Константин сел на стул и обхватил голову руками, едва не вырывая волосы.

–Ну, так может лучше его убить? – спокойно сказал Рылеев.

Бестужев и Костя почти одновременно посмотрели на него. Кондратий Фёдорович первый озвучил то, о чем думали все.

–Что? – Рылеев переводил взгляд с одного на другого, – Вы же прекрасно видите, что это за человек, – Кондратий встал, – Сегодня он не может выбрать себе жену без одобрения матушки, – в голосе возникла некоторая раздражительность, – А ведь он всего на три года старше тебя Костя, – Рылеев указал пальцем на кузена, – И уже в свите. А через несколько лет получит должность, – голос Рылеева все более повышался, пока не перешел на крик – И будет управлять страной!

С минуту никто не смел ответить. Чернов с трудом узнавал своего обожаемого кузена в человеке перед собой. Рылеев тяжело дышал от волнения и злости, а его глаза казались еще более выпученными.

—Но ведь, убить я его должен не поэтому, — тихо сказал Константин.

Рылеев судорожно поправил очки и медленно неуверенно опустился на диван.

—Да, — уже спокойно сказал он, — конечно не поэтому.

Вскоре от Чернова все разъехались, и он остался один. Уже поздно вечером денщик принес письмо, которое пришло еще утром. Писала Б.

«Мой милый друг, я очень боюсь за Вас. Да, да. Не удивляйтесь, мне уже все известно. Неужели нет никого способа разрешить эту историю миром? И еще я знаю, и то, что Вы не имеете никого отношения к распространению этих подлых слухов. Вы просто не способны на это. Но я так же верю в то, что тот другой офицер не мог плести интриги против Вас. У меня, конечно же, нет доказательств, но пусть женское сердце будет Вам поручителем его искренности. Также я уверена, в том, что он действительно любит Катрин и искренне желает этой свадьбы. Я прошу Вас не дать шанса подлости и обману одержать верх, помиритесь с ним. Ведь я помню Вас главным поборником всех пороков и блюстителем честности. Смерть одного из Вас станет лишь торжеством лжи. И ежели Вы не думаете о счастье Вашей дражайшей сестры или о несчастных Ваших родителях, вспомните хотя бы о Вашей покорной слуге, которая уже третий день не может дожить до вечера с сухими глазами. Я окончательно приняла решение: или я буду Вашей, или моя дорога сворачивает

в монастырь. Там я смогу сполна выплакать все свои слезы. Вскоре я собираюсь озвучить свое решение отцу, а потому, ежели Вы еще хоть немного любите меня, то я жду Вас в Москве».

Глава 6

Рылеев мог переиграть Чернова, старую Новосельцеву, Пестеля, Государя, да хоть весь светский Петербург, но разве в силах он был переиграть пару прехорошеньких глаз юной кокетки? На следующий день после получения письма Чернов поехал к Новосельцеву, и они вновь долго перед свидетелями объяснялись. Он заверил Владимира, что никогда не думал принуждать его к свадьбе силой и тем более не собирался бравировать этой ложью перед кем бы то ни было. Чувства при этом Константин испытывал самые отвратные. Теперь он хорошо понимал, что пережил Новосельцев на приеме у московского губернатора. Владимир, в свою очередь, не стал долго упрямяться и быстро сам пошел на мировую. Разговор снова зашел о свадьбе. Новосельцев тут, правда, немного стушевался, но все же подтвердил готовность жениться и обещался даже вскоре быть у них гостем.

Сказано – сделано. Уже на следующей неделе Владимир приехал в Большое Заречье с самыми изящными извинениями, на какие только способен свитский служащий. Дома его приняли хорошо, но прежней теплоты он не почувствовал. Стол все так же ломился от изобилия, правда, все что удалось отведать Владимиру в тот вечер было либо сыро, либо передержано, либо пересолено.

– Что же Москва, Владимир Дмитриевич? – деловито

спросила хозяйка, пока лакей наливал ей в тарелку первое.

– Уж слишком купеческая, – бросил Новосельцев, пока безуспешно тянулся к проносившемуся мимо человеку с супом.

Катерина весь обед просидела словно изваяние, не поднимая головы и ничего не говоря, во всех движениях сохраняя уверенную твердость и даже несколько несвойственную ей резкость. Владимир пару раз пытался взглянуть на нее, но быстро отводил глаза. Никогда так ее фигура не казалась ему столь милой и столь пугающей.

После обеда мужчины перебрались в кабинет хозяина, где из ждали виски и сигары, и разговоры приобрели более деловитый тон.

– Кондратий Федорович, – обратился к нему Пахом Кондратьевич, – как идут дела компании?

– О, дела как нельзя лучше, благодарствую, – сказал Рылеев, принимая сигару из рук хозяина.

– Видимо это действительно так, коли в вашем владении акций ее не многим меньше, чем у самого государя, – старший Чернов захлопнул ящик с сигарами перед носом Новосельцева.

– Это лишь, для того, что бы более мотивировать себя к работе, – с плохо скрываемым удовольствием произнес Рылеев.

С наступлением сумерек кто-то предложил прокатиться до озера. Пока запрягали, пока выписали на посошок, за ок-

ном уже совсем стемнело, но небо было ясное, и решено было все-таки ехать. После внезапной оттепели зима напоследок снова сковало все своим ледяным дыханием. Прошлой ночью выпало много снега, и он весело хрустел под ногами рассаживающихся в сани людей. Владимир ловко подсадил будущую тещу, аккуратно втолкнул Константина к Рылееву, а сам ловко пригнул в те, которые уже уселась Катя, оттолкнув тестя.

–Трогай! – послышался впереди гулкой голос старшего Чернова.

Сани чуть дернулись, примерзнув полозьями к свежему снегу, и мягко покатались в темноту. Катерина сидела ровно, не обращая на спутника никакого внимания. Владимир теперь уже не стеснялся смотреть на нее, но заговорить пока не решался. Он чувствовал, что она хочет хотя бы мельком посмотреть, чтобы убедиться, что он смотрит на её. Однако, уязвленная гордость заставляла ее смотреть в спину конюха. Когда Владимир заметил вдалеке едва виднеющееся озеро, решил прервать равномерное звяканье бубенчиков.

– Ради всего святого не верьте им, – начал Владимир.

Катя слегка встрепенулась, как испуганная птичка и потом взглянула на Новосельцева.

– Не понимаю, о чем Вы говорите Владимир Дмитриевич.

– Неужели, Вы не догадываетесь, почему я здесь? Почему безропотно сношу все эти обиды от Вашей семьи?

– Быть может, Вы получаете лишь то, что заслужили, –

Катерина снова уставилась вперед.

– А Вы жестоки, Катерина Пахомовна, – Владимир отвернулся от Кати, отведя глаза на проносящиеся мимо снежные сугробы.

– Я обучилась этому у Вас, – сурово произнесла девушка.

– Бог мой! Катя, даже самому жестокому душегубцу дают возможность оправдаться! Так почему же ты не хочешь меня выслушать?

Владимир мягко сжал руку девушки.

– Ваше молчание, пока Вы пребывали в Москве, уже и так сказало мне более, чем я хотела услышать, – Катерина демонстративно отдернула руку, – А сейчас лебезите перед нами, просто потому что боитесь быть убитым моим братом. Боже, меня отдадут за проходимца и труса.

Катерина закрыла лицо руками.

– Что же вы такое говорите? Вы даже не представляете, как меня ранят ваши слова, – Владимир в отчаянии опустил голову.

Девушка взглянула на Новосельцева. Его жалкий вид заставил ее говорить более сдержанно.

– Скажите, хоть теперь скажите правду. Ваша мать действительно ненавидит меня?

Володя поднял глаза.

– Правда, – тихо сказал он.

– Значит теперь мы квиты, – девушка снова отвернулась.

– Но для меня это не имеет никакого значения. Да пусть

думают, что хотят, и Ваши братья и отец и этот Ваш странный родственник, да как же его... Рылеев. В гробу я видел их благосклонность. Все стерплю, только бы знать, что между нами все по-прежнему.

Катя долго молча всматривалась в лицо Владимира. Слабо освещаемое передними фонарями, он казался осунувшимся и усталым, но она без труда улавливала все те прекрасные черты, что так лелеяла в своих воспоминаниях. Та первая встреча теперь, казалось, была уже когда-то очень давно, Катя чувствовала себя много повзрослевшей и более мудрой. Но это никак не помогало понять, кто же перед ней: ее счастье или погибель.

– Да кто же Вы, в самом деле: ангел или демон? Как мне верить вам теперь?

– Катенька, милая, я клянусь...

– Не надо, – Катя резко оборвала его, – не нужно, – сказала она нежнее, – я верю.

Лицо Владимира мгновенно просияло, он кинулся было поцеловать Катю, но сани резко повернули, и его откинуло в сторону, шапка напозла на глаза, а Катерина звонко засмеялась.

Уже довольно скоро за морозами пришла оттепель. Дороги еще не развезло, но уже кое-где можно было видеть черные проталины. В доме Черновых жизнь продолжала течь своим чередом. С самого утра старый генерал прибывал в

самом лучшем расположении духа. Он, завернутый в огромного размера турецкий халат, пил кофий, листая уже не самые свежие газеты, и морщился поле каждого глотка. Хлебал генерал эту черную жижу лишь по наставлению упрямой супруги, которая уверяла в пользе этой привычки, хотя сама лишь считала это модным.

Еще до обеда к дому подъехал экипаж, от-куда выскочил человек, укутанный плащом. Прошло около десяти минут прежде, чем Федор-лакей, вошел доложить:

–Его сиятельство генерал Остен-Сакен¹⁴.

В двери тут же бодро вошел и сам граф молодецки вытянувших после вежливого поклона. Пахом Кондратьевич резко встал с насиженного кресла, услужливо подводя генерала к столу, предлагая сесть.

– Ваше сиятельство, Фабиан Вальгельмович, какая приятная неожиданность. Чем обязаны?

–Вы уж простите великодушно, что так без предупреждения... – начал было граф.

–Ничего, ничего, – перебил его Пахом Кондратьевич,– Разве может старого вояку смутить визит такого героя и про-

---

¹⁴ [Граф](#) (1821), [князь](#) (1832) Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен (Фабиан Готлиб фон дер Остен-Сакен; [20 октября 1752](#), [Ревель](#) – [7 апреля 1837](#)) – русский [генерал-фельдмаршал](#) (с [1826 года](#)), который прославился в [заграничном походе 1813—1814 годов](#), командуя отдельным русским корпусом в составе [Силезской армии прусского фельдмаршала Блюхера](#). В [Отечественную войну 1812 года](#) сражался на вспомогательном южном направлении. [Главнокомандующий 1-й армией](#) (1818 – 1835).

славленного война, как Ваше сиятельство.

Открытое, доброе лицо графа исказилось в грустной улыбке. Он сидел с опущенными глазами и кончиками пальцев поглаживал сукно стола. Весь вид генерала, говорил о крайне неприятной цели визита.

–Что ж, мне очень приятно, – после некоторого молчания отозвался Фабиан Вальгельмович, – У Вас прелестная семья, и от того еще тяжелее мне рассказать об истинной причине моего приезда.

–Вижу, дело серьезное, – Пахом Кондратьевич облокотился на стол и напряженно взглянул на гостя.

–Буду с Вами предельно откровенен. Да. Меня очень просила об этом Екатерина Владимировна.

–Новосельцева?

–Она самая. Бедняжка очень переживает за сына. Он – ее единственная отрада.

–Так, так... – Чернов откинулся на спинку кресла, – что-то начинает проясняться.

–Пахом Кондратьевич, я очень долго не хотел вмешиваться в это дело. Но ведь Вы и сами должны понимать, что это свадьба крайне скверная затея. Вы, конечно, вправе думать, что я преследую лишь интересы госпожи Новосельцевой или беспокоюсь о продвижении Владимира, наконец, но подумали ли Вы, каково будет Вашей дочери? В мире, куда она попадет после свадьбы, ей будет отведена роль лишь белой вороны. Поверьте мне, человеку, испытавшему на себе не толь-

ко милость, но и опалу высшего общества и власти. Но если Вы уверены, что девочка готова к этому, Вы, безусловно, можете попробовать.

—Ваше сиятельство, при всем уважении Владимир Николаевич сами изволили свататься, — Чернов чувствовал, как все внутри его закипало.

—Пахом Кондратьевич, кто из нас не совершал необдуманных поступков? — по-доброму, широко улыбнувшись, развел руками граф.

—Ах вот как... — Чернов наигранно поднял брови.

—Ведь речь не только о Вашей дочери. Мне ужасно неудобно прибегать к подобным мерам. Екатерина Владимировна настроена очень решительно и ни перед чем не остановится, ведь, кажется Ваш старший сын в гвардии? Было бы жаль потерять место. Такое удачное начало карьеры.

Граф произнес последнее предложение и отвел взгляд. Ему, добряку по натуре, всегда с трудом давались подобные низости, но разве без них он мог бы стать генералом.

—Вы мне угрожаете? — едва сдерживаясь, тихо проговорил Чернов.

—Разве я могу. Лишь предупреждаю о последствиях.

На минуту в комнате повисла непроницаемая тишина. Было видно как старший Чернов медленно проглатывает свой гнев, уступая место рассудку.

—Что я должен сделать? — с раздавленной покорностью спросил он.

–Всего лишь отказать Владимиру. Это бы решило все проблемы, никого не поставив под удар.

Чернов закрыл лицо руками, но его колебания не пролились долго.

– Фёдор, – громко крикнул он лакея, – перья и бумагу живо.

Уже вечером следующего дня Константин сидел в гостиной у Рылеева, тяжело опустив голову на руки, и рассказывал о случившемся.

Рылеев стоял в углу комнаты, облокотившись на комод, и внимательно смотрел на кузена, не прерывая рассказа.

– Так что все кончено. Свадьбы не будет, – наконец произнес Константин.

Рылеев быстро закатил глаза, – В который раз? Это уже перестает быть интересным.

– Отец сказал, что так будет лучше. Для всех, – Константин, наконец, смог заставить себя откинуться в кресле, – Это все она. Эта мегера – его мать. Она прислала генерала.

Пока в Петербурге пытались предотвратить дуэль, про старуху Новосельцеву все забыли. Все, кроме Рылеева. Он с нетерпением ждал ее хода, и теперь, когда дело было сделано, оставалось лишь направить все в нужное русло.

–Кондратий, скажи, что я должен делать? Ведь это же бесчестно и подло. Я собираюсь завтра же ехать к нему. Нельзя все так оставить.

–Ну, ежели ты хочешь моего совета, то я бы не ехал.

–Как? – изумился Константин, – Стерпеть?

–Стерпеть, – повторил Рылеев, затушив пальцами одну из свечей.

–Да как же? Да ты ведь сам в своё время готов был голову за честь фамилии положить.

Рылеев еле заметно сморщился на мгновение вспомнив тот нелицеприятный инцидент¹⁵.

–Я был глуп. Тут другое. Тебя не в чем упрекнуть.

–Ну уж нет, дружище. Я, конечно, тебя безмерно уважаю, но, позволь тут поступить по-своему. Завтра же еду.

–По-своему, так по-своему, – медленно проговорил Рылеев, едва удерживаясь от улыбки.

На следующий день еще до обеда Константин ожидал Новосельцева в гостиной его питерской квартиры. Володя появился довольно скоро оживленный и подчеркнуто вежливый.

–Чем обязан, Константин Пахомович? – с легкой нервной

---

¹⁵ Кондратий Рылеев вызвал на дуэль прапорщика Финляндского полка Константина Шаховского. Шаховской ухаживал за незаконнорожденной сестрой поэта. В обществе считалось, что Рылеев вступился за честь сестры. Однако секунданта поэта Александр Бестужев утверждал, что поэта вывело из себя то, что Шаховской подписывал письма, адресованные сестре, «Рылеевой». Это, якобы, раздражало Рылеева, считавшего свою родственницу недостойной носить такую фамилию. В результате поединка Рылеев получил не очень серьезное ранение в ногу. Мать поэта, под впечатлением от произошедшего, «схватила горячку» и через несколько месяцев скончалась.

улыбкой спросил Владимир, поправляя рукава рубашки.

– Думаю, Вы и сами прекрасно все понимаете, – ответил Чернов.

– А я думаю, что я не обязан ничего понимать. Извольте объясниться, если уж пришли.

Не смотря, на некоторую нервозность в движениях собеседника, Константин заметил едва уловимую перемену в его лице. Он не сразу понял, чем она вызвана, но чем больше Новосельцев говорил, тем яснее становилось, что вся эта возбужденность и несвойственная ему смелость результат сделанного выбора. Ничто не тяготило его больше, чем необходимость самому принимать участие в своей судьбе. И вот, все разрешилось само и без его непосредственного участия, как впрочем, и всегда.

– Когда вы сватались, – Константин из последних сил держал себя в руках, – мы были уверены, что вы уже совершеннолетний и правоспособный. Но что делать? Нельзя не повиноваться маменьке... Вы, конечно, свободны от данного вами слова!

Новосильцев молчал и, не сумев выдержать на себе взгляд собеседника, отвел глаза.

– Само собой, разумеется, – продолжал Чернов, – что после вашего отказа вы уже никогда не будете у нас в доме.

– Ну, конечно...

– Этим вы выполните долг благовоспитанного человека. А другой долг человека честного требует от вас, чтобы вы

избавили сестру мою от ваших поклонов и, по возможности, даже встреч... Этим я вас предупреждаю, что если когда-либо где-либо вы позволите себе сказать хоть одно слово моей сестре, я назову вас человеком, не заслуживающим имени честного офицера. Поверьте, что я так же умею уважать честь нашей фамилии, как вы умеете уважать мнение вашей матушки.

После краткого объяснения Константин поспешил покинуть дом. Его переполняло чувство презрения и отвращения. Этот человек не был достоин не то что руки его сестры, даже стреляться с ним было гадко. В голове лишь промелькнуло, что Рылеев как всегда был прав. Приближалась Пасха.

Глава 7

В самом начале сентября по поводу именин ея величества устраивался большой бал. Это было одно из первых в новом сезоне больших событий, поэтому столичное общество готовилось к нему особенно тщательно. Рылеев был связан с государыней самыми теплыми дружескими узами. Она удостоила как-то его и Бестужева перстнями из собственных рук, так её величество отблагодарила их за преподнесённый экземпляр «Полярной звезды»¹⁶. Не смотря на всю свою благосклонность к государыне, он прибыл туда с виду неохотно по настоятельной просьбе жены. Почти сразу Рылеев оставил её и направился к Бестужеву, который недавно вернулся в столицу из Москвы.

–Кондратий Федорович, – на лице Бестужева просияла улыбка, – безмерно рад.

–Взаимно, друг мой, – Рылеев крепко пожал его руку, – Я вижу, Вы уже знакомы с Петром Григорьевичем?

Рядом с Бестужевым стоял молодой человек лет двадцати пяти, хорошо сложенный с пышными усами и живым выразительным взглядом.

---

¹⁶ «Полярная звезда» – литературный альманах, издававшийся [К. Ф. Рылеевым](#) и [А. А. Бестужевым-Марлинским](#) в [Санкт-Петербурге](#) в 1822—1825 гг. Вышло три книжки: на 1823, на 1824 и на 1825 годы. Последний альманах «Звёздочка» на 1826 год был отпечатан лишь частично и в продажу не поступил.

–Здравствуйте, Кондратий Фёдорович, да, мы уже знакомы с Александром Александровичем, – ответил тот за Бестужева.

Петр Григорьевич Каховский не так давно вошедший в общество имел репутацию человека горячего и Рылеев имел на него самые смелые виды. В этот самый момент внимание его привлек юноша в мундире камер-юнкера, порхающий среди гостей. Он смотрел внимательно на него как на существо дивное едва ли не фантастическое, и на секунду нить утратил разговора.

–Петр Григорич, – чуть громче повторил Бестужев, – узнали кого?

–Нет... дело не в этом, – Каховский задумался, подбирая слова.

Основной причиной принятия Каховского в общество для Рылеева была его почти управляемая ненависть к сильным мира сего, и ему порой трудно было сопоставить беспечных вид оных из них с подлостью, которую Петр всем им приписывал.

–Кажется, я догадался. Беспечный вид господина Новосельцева так смутил нашего друга Саша, – с ироничной улыбкой сказал Рылеев, поймав направление взгляда Каховского, – Я тоже долго не мог привыкнуть к этому чувству. Все эти аристократы чересчур оторваны от реального мира.

– Как такое произошло? – спросил Каховский, – Они убеждены, что являются хозяевами жизни, но самой этой

жизни не знают. Веселятся, пьют, танцуют, даже не чувствуя как земля уходит у них из-под ног.

– В этом и есть их основная привилегия. Им этого знать и не нужно. Однако, об этом не здесь. Притом... – Рылеев снова отыскал глазами Новосельцева, – ... У нас есть дело. Черновы уже прибыли? – обратился он к Бестужеву.

Тот положительно кивнул.

– Уже как с полчаса.

– Чудесно, – Рылеев легко потел перстень на мизинце об отворот сюртука, – Ты знаешь что делать, – сказал он Бестужеву и направился поприветствовать Черновых.

Благоговейное семейство: отец, мать и дочь, стояли подле большой катки с цветами. Выводить дочь в свет было для них подобием пытки, а так же причиной частых ссор и финансовых трат. Генерал уже успел опустошить пару бокалов игристого, и генеральша воспрепятствовала опрокинуть еще один. Было видно, что Черновы, несмотря на длительные приготовления и старания, явно были не к месту. При первом взгляде на них несложно было понять, что эти карикатурные персонажи: отставной генерал с красным носом и молодящаяся безвкусно одетая генеральша – здесь для того чтобы спихнуть кому-нибудь свою дочь, не дав за нее сколько-нибудь приличного приданного. Катерина прекрасно понимала все, и если бы не зимняя история, довольно спокойно отнеслась к этому. Теперь же, она стояла рядом с тата, опустив глаза, чтобы случайно не поймать один из направ-

ленных на ее, как ей казалось, взглядов. Катерина, конечно, преувеличивала, и никто уже толком не помнил, на какой девице хотел жениться прошлой зимой один из камер-юнкеров.

Рылеев с самой приветливой из своих улыбок подошел к Черновым и завел непринужденную беседу.

– Натали жаловалась мне на Вас, – Аграфена Григорьевна кокетливо коснулась его груди своим веером, – Говорила, что Вы не желали ехать.

– Смилуйтесь, будь моя воля я бы и не пропускал ни одного бала, но домашние хлопоты и дела компании не всегда отпускают меня.

Присутствие Рылеева быстро сгладило неловкость, Катерину забрала какая-то старая знакомая, а генерал успел пропустить очередной бокал.

Новосельцев же, как уже заметил Каховский, действительно пребывал прекрасном расположении духа. Давно он не чувствовал себя так легко и непринужденно. Правда, как-то ему на глаза попался Константин, стоявший в кружке других офицеров, это на мгновение лишило его присутствие духа, однако, уже спустя несколько минут позабыл об этом неприятном инциденте.

Во время мазурки с фигурами, к Владимиру подошел статский с двумя дамами, и с игривой улыбкой спросил: – Забвение или раскаянье?

Буквально за секунду у Владимира вспотели ладони. Од-

ной из дам оказалась Катенька. Он сразу отметил, как она похудела, однако, это ей очень шло. Чернова показалась ему более обаятельной, чем была. Он стоял как вкопанный пока сквозь шум собственного сердцебиения в ушах, не услышал снова: Так все-таки забвение или раскаянье, сударь?

– Раскаянье... – едва шевеля губами, произнес он.

Чернова при этом слегка встрепенулась и, не поднимая глаз, протянула ему руку. Он угадал.

Слегка облокотившись на колонну, Бестужев не сводил глаз со сцены, разворачивающийся перед ним. Ему было невероятно забавно наблюдать за замешательством этого маленького сыночка.

– Твой черед, – обратился он к Каховскому.

Петр лишь легко кивнул, опрокинул бокал и, медленно отделившись от колонны, скрылся в глубине залы. А Бестужев рукой сделал условный знак тому самому статскому.

Новосельцев повел Катю в танце, и только тогда она решилась посмотреть на него. На его лице еще не пропала бледность после испуга, но он, не удержавшись, открыто улыбнулся ей, обнажив жемчужные зубы. Она слегка смутилась, однако, так же улыбнулась в ответ. Они танцевали, как будто встретились только сегодня. Словно лишь каких-то полчаса назад она распутывала свой шарф. Пока они танцевали, будто и не было никогда между ними никогда ничего дурного: ни старой Новосельцевой, Константина, не желавшего даже слышать имя неудавшегося жениха, ни подлых слухов,

ни сплетен, ни трусости. Счастье вдруг стало так близко, что было почти осязаемо, и они смеялись и веселились как дети. Молодые люди даже не сразу заметили, как мазурка кончилась, и Новосельцев лишь тихо сказав, «пора» отвел ее к тому самому статскому, что сидел теперь со второй дамой и о чем-то оживленно беседовали.

– О, Катишь, – протянула она руку подруге, – Садись скорее у меня для тебя такие новости.

Владимир откланялся и пошел освежиться. Выйдя на террасу и обнаружив, что он здесь один, он ослабил воротник мешавший дышать и снял перчатки. На минуту он погрузился в размышления, как чья-то рука опустилась ему на плечо, и ход быстрый ход мыслей был прерван. Владимир резко повернулся и увидел перед собой молодого Чернова. Рядом с ним стоял Каховский, старательно приглаживающий свои пышные усы.

– Чем обязан? – Владимир непонимающе посмотрел на обоих.

– Вы помните условия, на которых я простил вам ваш отказ от руки моей сестры? – Константин уверенно скрестил руки на груди.

– Бал имеет свои условия, основанные на законах приличия, – пытался оправдаться Владимир и собирался уйти, как путь ему преградил Каховский.

– И я их соблюдаю, и не говорю вам подлеца – вслух!.. – раздраженно произнес Чернов, – Завтра у вас будет мой род-

ственник Кондратий Федорович Рылеев – благоволите передать ему: где, когда и на чем?

– К вашим услугам!

Глава 8

Мы, секунданты нижеподписавшиеся, условились:

1) Стреляться на барьер, дистанция восемь шагов, с расходом по пяти.

2) Дуэль кончается первую раною при четном выстреле; в противном случае, если раненый сохранил заряд, то имеет право стрелять, хотя лежащий, если же того сделать будет не в силах, то поединок полагается вовсе и навсегда прекращенным.

3) Вспышка не в счет, равно осечка. Секунданты обязаны в таком случае оправить кремень и подсыпать пороху.

4) Тот, кто сохранил последний выстрел, имеет право подойти сам и позвать своего противника к назначенному барьеру.

Полковник Герман.

Подпоручик Рылеев.

Ротмистр Реад.

Подпоручик Шипов

– Условия дуэли флигель-адъютанта Новосильцева с поручиком Черновым

Стреляться было условлено в Лесном парке. Рылеев проснулся еще затемно, быстро собрался и уже на лестнице его окликнул тоненький голосок:

–А ты скоро? – дочка терла глаза спросонья.

–Настя, рано еще, марш в постель, – скомандовал Кондратий и скоро вышел на улицу.

Он довольно быстро добрался до Константина и застал его уже полностью одетым.

– Пора? – спросил он тихо.

Увидев его растерянный взгляд, Рылееву захотелось сказать что-то ободрительное, но, он удержался от этого, не желая смолоть какую-нибудь пошлость.

–Пора, – как можно увереннее лишь повторил он.

Они, сели в ожидавшую коляску и отправились к месту. На улице уже светало, день обещал быть погожим, по дороге они забрали второго секунданта – ротмистра Раеда¹⁷, которого нашел Кондратий. Ехали молча, Рылеев непрерывно кутался в плащ, ерзал и поправлял перчатки. Раед же держал на коленях дуэльную пару и выглядел абсолютно спокойным, словно его везли на пикник. Константин же всю дорогу молчал и, только уже подъезжая, при виде оппонентов, под нос лишь пробурчал: «Какая глупость».

Владимир, сощурившись, ловил солнечные лучи, пробиравшиеся через ветки молодых осин.

– Как красиво, да? Вот мы глупцы. Спим до обеда и такую

---

¹⁷ Николай Андреевич Раед (1793—1855) – русский генерал, участник [Наполеоновских войн](#) и [Крымской кампании](#). Член одной из масонских лож, а впоследствии, состоял членом одного из тайных обществ. Раед, не принимал деятельного участия в собраниях общества и планах его членов, а потому избежал участи, постигшей его товарищей после [14-го декабря 1825 года](#)

красоту не видим. Что думаешь, Саш?

Шипов лишь помотал головой и подумал, что друг его еще ужасный мальчишка, которому только в солдатиков играть, а не драться на дуэлях.

– А вот и наши противники, – Герман заметил подъезжающую коляску.

Владимир чуть вздрогнул, взглянул на прибывших, глубоко вздохнул и стал нарезать круги, иногда пиная редкие опавшие листья.

Противники не обмолвились и словом, а секунданты, поприветствовав друг друга, принялись улаживать организационные вопросы. Пока Раед старательно отмерял шаги для барьеров, доктор, прибывший с Новосельцевым, переминался в стороне, нервно кряхтел и вечно поправлял шляпу.

Формальности заняли не более пяти минут. Полковник Герман уже стоял с заряженными пистолетами, предлагая соперникам выбрать оружие. Прежде, чем это сделать, Константин отдал Рылееву треуголку.

– Кондратий, ты знаешь... – тихо начал он, – Боже, как глупо... Я ведь ночь не спал. Все думал. Таких дел мы с тобой, брат, кажется, натворили. Если что... Ты скажи... Нет, ничего не говори. Себя береги, братец.

Константин легко ударил кузена по плечу и быстро пошел к барьеру. Новосельцев уже взял пистолет и, кажется, был удивлен тому, насколько он оказался тяжёлым. Потом мельком взглянул на Чернова и что-то сказал Шипову. Тот кив-

нул и повернулся к Константану.

– Право секунданта обязывает меня призвать стороны к примирению, конечно, если они сочтут сие возможным, – проговорил он.

– Нет, сие не возможно, – раздраженно ответил Константин.

Шипов молча кивнул и отошел от барьера. Когда все условности были соблюдены, соперники остались один на один. Только сейчас стало понятно насколько близко к друг другу они стояли. С восьми шагов легко можно было рассмотреть пуговицы на мундирах друг друга.

– Сходиться на счет раз. Стрелять на счет три, – приказным тоном прогремел Шипов, однако голос немного сорвался на слове «три».

–Раз.

Соперники одновременно начали движение, подняв пистолеты. Константин на секунду взглянул на соперника, и, неожиданно для себя увидел напротив не избалованного аристократа, а просто испуганного мальчишку. Владимир пытался выглядеть сосредоточенным, но неуверенный шаг и легкая бледность, выдавали его страх.

– Два.

Рылеев до этого мявшийся на месте резко замер. Дуэлянты прицелились.

–Три!

Два выстрела раздались почти одновременно, поляну

мгновенно заволокло пороховым дымом. Рылеев увидел дергающиеся в судорогах ноги Кости. Он подлетел к нему, повернул неестественно лежащую голову и увидел, что все лицо было залито кровью.

– Этот готов, – убирая в карман пенсне, махнул рукой подковылявший доктор.

– Как «готов»? – растерянно повернулся в пол оборота к нему Рылеев, но доктор уже ковылял к другому дуэлянту.

Через секунду Кондратий Федорович продолжил безуспешные попытки вытереть кровь с лица Кости и лишь услышал протяжный стон, донесшейся из-за спин секундантов, окруживших Новосельцева. Тот видимо тоже был ранен.

– Живее, Кондратий Федорович, там недалеко двор. Везем туда. – Раен вытащил его из недолгого забвения.

Рылеев вернулся домой затемно. Наталья Федоровна сама приняла его плащ, не сказав ни слова, слухи уже расползались по городу. Только зайдя в гостиную, усадив мужа в кресло и налив ему английский виски, она тихо произнесла:

– Жалко Костю.

Рылеев долго смотрел на жену, которая уже принялась поправлять шторы. Он никогда не слышал, чтобы она называла кузена Костей. Все ее тихое и ненавязчивое внимание сегодня навело его на мысль: жена всегда знала больше, чем он предполагал. Он подумал, о том что мужчины часто недооценивают своих женщин и рано или поздно это выйdet им

боком.

–Я должен тебя попросить помочь Черновым.

Она перевела слегка удивленный взгляд на мужа, но потом положительно кивнула и добавила:

–Не сиди долго. Ложись спать, – и почти бесшумно покинула комнату.

Кондратий Федорович залпом допил виски и пошел в спальню, но не к себе, а в детскую. Он долго сидел над постелью дочери, подперев голову руками, так и не сумев заснуть. А Глаша, дремавшая в кресле, после уверяла кухарку, что слышала, как хозяин даже пару раз всхлипывал.

Сразу после дуэли раненных привезли на постоянный двор поблизости. Их разместили в разных комнатах, и хозяйка исправно ухаживала за обоими, соблюдая все рекомендации доктора. Костя почти не приходил в сознание, но в редкие минуты просветления спрашивал лишь об одном: жив ли Новосельцев. Владимир, так же постоянно справлялся о состоянии своего соперника. Узнав от Шипова о безнадежном состоянии своего соперника, Володя едва не разрыдался. На следующий день Оболенский с Бестужевым увезли Константина в расположение Семеновского полка, где передали его заботам полкового доктора.

Старуха Новосельцева уже на третьи сутки после случившегося прибыла в столицу. На лице не было ни доли обыкновенной её уверенности, она – одно сплошное раскаяние. К моменту встречи с сыном Владимиру стало много хуже: по-

явился не спадающий жар, лицо осунулось, черты заострились. Прогнозы докторов были неутешительными: пуля пробила печень, к тому же рана загноилась. Мать не отходила от него ни на минуту, как бы он не просил. Вечером, правда, Шипов попросил ее выйти. Через несколько минут в комнату зашла молодая женщина, прикрывшая нос платком. Это была Катерина. Владимир, не смотря на жар и тусклый свет, сразу узнал ее.

– Рад, что в Вас осталась еще если не любовь, то хотя бы сострадание, – со слабой улыбкой сказал он.

– Меня не должно здесь быть, но я не смогла...

Резкий запах гнили ударил ей в нос и она снова поднесла платок к лицу.

– Это правильно. Как покойник, я могу Вас уверить: всегда поступайте так, как велит ваше сердце, а не ваша честь, она еще никому не принесла счастья. Теперь я уж это наверняка знаю.

– Не надо, не говорите так много, Вам нельзя, – взволнованно проговорила девушка.

Владимир снова улыбнулся.

– Мне уж все можно.

Катя опустила голову. Она больше не могла смотреть на то, что осталось от когда-то любимого ей человека. Ей следовало бы ненавидеть его, но даже теперь узнавала она отблески милых черт в этом страшном, дурно пахнущем трупe.

– Он жив? – тихо спросил он.

Катя положительно кивнула.

– Простите меня, если сможете. И будьте счастливы.

Катерина подняла голову. Он смотрел на ее спокойно и ласково, потрескавшиеся бледные губы застыли в легкой улыбке.

Она бросилась к нему, прижалась к горячей руке и долго и горько рыдала.

На четырнадцатые сутки после дуэли в город въехал экипаж. Извозчик не щадил лошадей, едва не сбив парочку студентов и щедро окатил из лужи старого фонарщика. Прибыв к нужному дому, из экипажа выбежал закутанный в плащ пассажир и быстро скрылся за дверью. В дверях незнакомец столкнулся с уходящим Рылевым. Мужчины обменялись быстрыми взглядами, и гость быстро начал что-то говорить слуге. Наверху при умирающем неотлучно находился кто-то из знакомых по обществу или однополчан. В этот вечер допоздна засиделись Бестужев с Оболенским. Пройдя в комнату, лакей громко представил:

– Леман Николай Михайлович.

– Прошу прощения за столь неожиданный визит, мы с Костей дружим с детства. Так только узнал, сразу сюда.

– Прощу, – без лишних прелюдий Бестужев указал на соседнюю комнату, в которой лежал Чернов.

Николай прошел в комнату, однако, уже через несколько минут вышел с опущенной головой. Оболенский с Бестужевым зачем-то одновременно встали и молча смотрели на

странного незнакомца, уже смутно понимая, что все, наконец, кончено.

—Когда-нибудь вы поймете, что натворили, господа.

Леман вышел, не дожидаясь ответа, хотя никто отвечать ему и не собирался. Присутствующих охватил какой-то необъяснимый трепет, и Бестужев лишь спустя какое-то время смог зайти в комнату. Костя лежал на спине со сложенными на груди руками, под которыми Александр Александрович заметил письмо. Абсолютно белое лицо, наконец, выражало полное спокойствие и умиротворение. Костя был мертв. Бестужев взял письмо. Он сразу понял: оно от таинственной Б. Его, вероятно, привез с собой Леман. Девушка писала, что во всем призналась отцу, и тот дал свое согласие, рассмотреть кандидатуру Чернова еще раз, если он явится лично. Однако об этом ему узнать не довелось, а Бестужев, не читая, передал письмо брату Сергею, чтобы он смог ответить, если сочтет нужным.

К этому моменту Владимир был уже давно мёртв. Он прожил после ранения всего три дня. Мать еще долго не позволяла никому подойти к телу, а после велела Шипову отправить записку Катерине, со словами «она должна знать». Тело сына старая Новосельцева велела забальзамирровать и перевезла в Москву, где он и был похоронен. Она построит [Князь-Владимировскую церковь](#) на месте этой дурацкой дуэли выкупив двор на Лесном, в которой Владимир провел последние свои дни. А в 1834 году там же установят две

круглые тумбы на расстоянии восьми шагов.

Ну а дальше, события развивались согласно замыслу Рылеева. Чернова хоронили на Смоленском кладбище. Решено было, чтобы за гробом не следовало ни одного экипажа, а те, кто хотят проводить несчастного поручика шли пешком. Это было сделано для более явного контраста между похоронами богатея Новосельцева. Всего за гробом в общей сложности шли около четырехсот человек. По современным меркам, до солидной демонстрации недотягивает, однако, для России XIX это настоящее народное шествие. Толпа медленно плыла за таким, казавшимся маленьким катафалком. Кондратий Федорович был особенно активен, показательно принимал соболезнования, как родственник усопшего, много причитал о несправедливости судьбы, и затих, только когда Аграфена Григорьевна подошла поблагодарить его за помощь. Только сам Кондратий Федорович знал, чего ему стоило пережить этот день. Однако одним шествием представление не закончилось. На могиле больше говорили мало знакомые родителям убиенного люди. Например, Оболенский долго размышлял на тему справедливости закончив речь словами: «тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал и сознательно и бессознательно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого». Кюхельбекер даже попытался читать свое стихотворение «На смерть Чернова», однако был остановлен при упоминании Царя. А Рылеев снова заметил того человека, с которым столкнулся на днях в

дверях Черновской офицерской квартиры. Николай появился почти незаметно, выразил свои соболезнование родственникам, подошел к руке Аграфены Григорьевны и Катерины и все время лишь молча наблюдал за происходящим.

–Вы ничего не скажите? – тихо спросила его Катя.

–Не рискну соревноваться в красноречии со столичными господами.

Постояв еще немного, Леман слегка поклонился молодой Черновой, тяжело вздохнул и медленно пошел к выходу.

Николай вновь посетит Черновых только в тридцать втором году, уже в звании полковника и героя недавно минувшей русско-турецкой войны. Обретя полную независимость (героям не указывают как жить), он почти с порога попросит руки Катерины Пахомовны и его предложение будет с большой радостью принято.

Судьба декабрьского движения отечественному читателю хорошо известна. Скажу только, что первого своего «сентябрьского» собрата они, конечно, вспоминали мало, вопреки уверениям данным на его могиле. Холодным декабрем они так и не сумели разобраться чего же на самом деле хотели перемен, если не для страны, то для себя. Дальше дело их, как и они сами обрастут легендами, и никому уже не будет никакой возможности разобраться, где правда, а где вымысел. Они расколят общество и станут своего рода лакмусовой бумажкой: скажи, как ты относишься к декабристам,

и я скажу кто ты.

Эпилог

Воздух, воздух! Плечо после падения жутко болело, но боль притуплялась на фоне облегчения, принесенного возможностью дышать. Чьи-то сильные руки подхватили меня и сняли с головы этот жуткий мешок. Я смог откашляться и оглядеться: на земле рядом со мной с синюшными лицами и выпученными красными глазами сидели Каховский и Муравьев. Под ними также порвались веревки. Милостивый, Боже! Под тремя из пяти! В этой стане даже не нашлось достаточно приличной веревки, чтобы вздёрнуть нас с первого раза! Что-то заставило меня поднять глаза и невольно мурашки пробежали по телу. Ветер слегка раскачивал тех двоих везунчиков, у одного из них до сих пор в судороге подергивалась нога, кажется, у того мальчика – Рюмина. Только теперь я понял для чего нужны мешки. Ни за что не хотел бы увидеть сейчас их лица. Черт. Все же как страшно умирать. Начальник караула что-то истошно орал за спиной. У Муравьева был разбит нос при падении и, кажется, сломана нога, но он выглядел спокойным, иногда кривясь от очередного приступа боли в ноге. Каховский обхватил себя руками за ноги пытаюсь унять дрожь. Один глаз у него заплыл кровью, и он все еще судорожно хватал воздух ртом. Меня скривило, от того каким жалким он казался, но потом я перевел взгляд на свои дрожащие руки и понял, что несколь-

ко не лучше его сейчас. Солдатик, на которого орал начальник караула пробежал мимо к выходу из крепости. У них нет запасных веревок! Я повернулся спиной к виселице, чтобы больше не смотреть туда. Взглянул на облака, мирно и безразлично плывшие над нами. Боже, ведь было бы проще, коли знать, что это не просто так, что дело наше принесет свои плоды, пусть и не так как мы рассчитывали. Теперь я не знаю, для чего это все было. Для чего мы здесь теперь. Будь бы у меня хоть один шанс, я бы все переиначил, все исправил или... Не смей! Не смей причитать, ты знаешь за что умираешь, в отличие от Кости. Глупые предрассудки этого гнилого общества и мое желание ему эту гниль показать – вот причина. Хм... И снова несчастный кузен в голове, значит, скоро свидимся. Ждем новых веревок.

На самом деле

– Кондратий Рылеев поселился в знаменитой квартире только 1825 году. Т.е. на начало повествования, он не мог встречаться там с Константином Черновым.

– Точная история знакомства Черновой с Новосельцевым не известна. Запутавшийся шарф помог обрести свою судьбу Варваре Лопухиной – подруге и музе Лермонтова.

– Нет точных данных о том, какую именно роль Кондратий Рылеев сыграл в описываемом конфликте, однако, есть сведения, что Новосельцев получал письма от Чернова, написанные рукой Бестужева.

– Нет никаких свидетельств, что Константин Чернов был знаком с Николаем Леманом. Он упоминается как муж Екатерины Черновой.

– История с «раскаянием или забвением» на балу всего лишь легенда. Есть версия, что Чернов намеренно искал повод стреляться с Новосельцевым, ради достижения целей Северного общества.